

М.И. ДЕГТЯРЕВА

**ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЫСЛЬ XIX ВЕКА**

ОБЗОР МОНОГРАФИЙ:

**BASTIEN MIQUEL. JOSEPH DE MAISTRE,
UN PHILOSOPHE A LA COUR DU TSAR.
PARIS: ALBIN MICHEL, 2000. — 252 p.**

**JOSEPH DE MAISTRE'S LIFE, THOUGHT
AND INFLUENCE: SELECTED STUDIES /
ED. BY R.A. LEBRUN. MONTREAL, KINGSTON: MCGILL-
QUEEN'S UNIVERSITY PRESS, 2001. — 338 p.**

Еще недавно история XIX века казалась недалеким прошлым. И это, несомненно, было причиной бурных дискуссий в научной среде, особенно в области биографических исследований, связанных с политикой. Прием историософизации — поиска в прошлом необходимых образцов для оправдания современности — широко используется политиками всех государств, а это отражается и на характере исторических исследований. Смена политических волн каждый раз вызывает попытки переосмысления уже известных фактов. С наступлением нового века дистанция между нами и героями 1800-х годов увеличивается, историческое «вчера» превращается в «позавчера». Сегодня каждое новое произведение биографического жанра любопытно потому, что дает повод пронаблюдать, как меняется интонация, с которой пишут о событиях и личностях XIX столетия, особенно о философах или политических мыслителях.

Жозефу де Местру давались самые разнообразные, порой чрезвычайно резкие характеристики. «Апологет палача и войны», «не блистающий даже внешней стороной своих произведений» и «пишущий самые дикие и обскурантные вещи» — только некоторые из них [1, с. 541–576]. Но вопреки свойству исторических фигур не первого ранга с течением времени утрачивать часть своего обаяния, Местр сохраняет притягательность для исследователей в области истории идей, как на Западе, так и в России; более того, похоже, происходит что-то вроде нового открытия его наследия.

Дегтярева Мария Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Интерцентра Московской высшей школы социальных и экономических наук. **Адрес:** 119571 Москва, пр-т Вернадского, д. 82, к. 2. **Телефон:** (095) 434–72–82. **Электронная почта:** maria-msses@yandex.ru

Исследования деместровской мысли в России и на Западе развивались параллельно, но первенство в разработке темы принадлежало, конечно, западным ученым. Это не удивительно: на Западе его лучше знали, публикация сочинений и писем Жозефа де Местра в Лионе в 70-е годы XIX в. вызвала повышенный интерес к его личности и политической доктрине, и если сначала Местр оказался «востребован» представителями правого политического лагеря, стремившимися сделать его «живым знаменем» реакции, то постепенно научная объективность потребовала признания — характеристика де Местра не может сводиться лишь к констатации его крайнего консерватизма, Местр — необычный, неординарный мыслитель. В нем интриговало буквально все: политизированность и философская отстраненность, ультрамонтанство и масонское прошлое, христианство и внимание к теме насилия; вызывала интерес и биография, соединившая Европу и Россию, знаменитых писателей, политиков и монархов наполеоновского времени.

В России Местр как мыслитель и исторический персонаж был менее известен, хотя следы его присутствия прослеживаются от истории — Местр повлиял на отставку крупнейшего реформатора александровского времени М.М. Сперанского — до символики — великолепный памятник Минину и Пожарскому, украшающий ансамбль Красной площади, был выбран им по поручению царя из нескольких проектов. К Местру обращались лишь эпизодически, и редкие работы — часто удачные — не были связаны между собой. Каждый автор произвольно определял круг западных исследователей, на данные которых он опирался, и наряду с известными именами, такими как Ф. Вермаль, можно обнаружить и случайные и малоизвестные.

Но и западная традиция была не более проницаемой для российских исследований. Из огромного количества работ, главным образом, статей и эссе, в список цитируемых на Западе попала, пожалуй, только статья о де Местре в «Литературном наследстве» (1937 г.) [2]. Таким образом, западная и российская линии исследования данной темы почти не пересекались. И только в последние годы у западных коллег появился интерес к тому немногому, что сделано в России, а российские историки получили возможность заниматься консерватором де Местром без оглядки на репрессивные органы, а заодно и знакомиться с работами зарубежных ученых. Впрочем, особенностью российских библиотечных фондов является то, что попавшие в них работы о Жозефе де Местре ограничиваются концом 1960-х годов. Не имея личных связей со специалистами на Западе, современные публикации по этой теме достать по-прежнему непросто. Одинаково недоступными оказываются и сборники исследовательского центра в Шамбери, и отдельные книги и статьи крупных специалистов. Тем

более отрадным является появление книг обобщающего характера, позволяющих познакомиться с результатами работы нескольких известных ученых и исследовательских центров.

Впрочем, на Западе на эту тему долгое время не появлялось обобщающих систематических исследований. На это были свои причины. Под впечатлением потрясений 1930-х–1940-х годов изучение жизни и наследия философа как никогда приобрело оттенок политической «ревизии»: на Местре «лежала тень» «Action française» несмотря на то, что идеолог французского правого радикализма — Ш. Моррас отказывался признавать де Местра своим предшественником. Это не означает, что исследования не проводились, просто потребовалось время, для того, чтобы оправдание философа, ставшего объектом критики в послевоенный период, не выглядело опрометчивым.

После эксцессов 1930-х–1940-х все, что содержало хотя бы оттенок политического экстремизма, подвергалось переоценке. А в политической доктрине Местра встречались сюжеты и темы, заставлявшие задаваться вопросом о том, кем был автор «Размышлений о Франции» (*Considérations sur la France*), «О Папе» (*Du pape*), «Писем к русскому дворянину об испанской инквизиции» (*Lettres a un gentilhomme russe, sur l'inquisition espagnole*) — человеком, пережившим потрясение во время революции и поэтому равнодушным к теме насилия, или циником и человеконенавистником? Разгадку историко-философских идей Местра исследователи искали в его биографии.

Яркий пример такого исследования — книга Р. Триумфа [3], который связал религиозно-философскую и политическую доктрину де Местра с его биографией и пришел к сокрушительным выводам относительно его личных особенностей и мотиваций. И все же эту книгу Р. Триумфа трудно оценивать однозначно: желание пролить свет на истинные факты подчас оборачивалось неосторожностью интерпретаций и нечувствительностью к другим возможностям.

С одной стороны, Триумф разрушил идеализированный портрет философа, созданный его детьми, главным образом младшей дочерью Констанцией¹. «Легенда» о де Местре как о почти святом, верном слуге короля, готовом претерпеть за него все мыслимые неудобства без намека на компенсацию, утрачивала героический ореол по мере того, как историк воссоздавал прозаические эпизоды деместровской карьеры, обнаруживая человеческие слабости и вполне земные черты своего героя. С другой — на обломках лишенного полутонов портре-

¹ Р. Триумф приводит фрагмент письма Констанции к редактору «*Du rare*» де Пласу, где она создает настоящую апологию этой «чистой и прекрасной души» — воплощения всех возможных добродетелей и требует перезахоронения тела отца в монастыре, подчеркивая его святость [3, р. 30-31].

та возник новый — «авантюриста» на службе нескольких монархов, честолюбца и «добровольного изгнанника», тяготящегося семейными обязанностями², напоминавшим Тартюфа. Моральное раздражение, искренность которого не вызывает сомнений, часто было преобладающей тональностью работы Р. Триомфа.

Изыскания архивистов, казалось бы, свидетельствовали о неприглядности персоны Жозефа де Местра и автоматически компрометировали и его историко-философскую доктрину. Книга выглядела чрезвычайно внушительной, а слова самого И. Берлина [4] о том, что Местр может считаться одним из предшественников фашизма, звучали как окончательный приговор. Сходство логических тенденций — убедительная вещь, но вполне ли оправдана историческая редукция? Ш. Моррас, который воспроизвел некоторые элементы доктрины Местра, так и остался в лагере правых радикалов. Монархизм и католицизм удерживали его от последнего шага в политической эволюции. Тем более трудно представить себе легитимиста и ультрамонтана XVIII века попавшего под обаяние маргиналов в военной форме и их вождей, особенно на фоне того, что Местр не пожелал признать сувереном самого Наполеона Бонапарта. Сравнительный метод в политических исследованиях часто оправдан, но в деместровском случае реальный исторический персонаж оказывался скорее «символическим вызовом» для решения сложных политико-философских проблем, чем самостоятельным объектом изучения.

Наступление было внушительным, но пауза оказалась невечной. Что заставило Эмиля Чьорана снова обратиться к де Местру и написать эссе, глубокое и необычное по тональности [5]? Он реабилитировал философа вовсе не имея такого намерения. Чьоран попытался понять де Местра, избегая политических параллелей, путем проникновения в строй его мысли, окружавшую его атмосферу, проникновения деликатного, с осознанием предела возможной реконструкции. В интерпретации Чьорана де Местр предстал мыслителем, одним из первых оценившим Революцию не как досадный эпизод, ошибку, казус, а как *начало новой эпохи*,

² «Юноша, который в пятнадцать лет принимает рясу черных исповедников и отправляется разделить последние минуты осужденных на смерть, <...> дипломат, который начинает свою карьеру с донесения и шпионажа, сардинский посланник, который годами отправляет царю с помощью посредника зашифованные письма, адресованные своему королю, католик, который ищет возвращения в ложи в качестве агента правительства, муж, который весело сносит отсутствие своей жены <...>, старик, который смутно чувствует духовное призвание и пишет своего «Папу» в момент, когда он думает о выборе нового папского нунция в Петербурге, — все его поочередные лица, которые собирает маска добродетели и чести напоминают скорее Тартюфа, нежели Евангелиста» [3, p. 32].

неспособным полюбить ее, но *постаравшимся понять*, не банальным контрреволюционером, а наблюдателем, обладавшим *чертами, свойственными социологическому мышлению*.

Интерес к де Местру в наши дни, по-видимому, связан с особенностями его взглядов. Консервативный акцент на качественном своеобразии, неповторимости исторических организмов не остался незамеченным, когда тенденция к глобализации встретила сопротивление со стороны защитников национальных традиций. В самом деле, де Местр одним из первых заговорил о том, что универсализация приводит к оскудению внутренних возможностей общества. Привлекательным оказался и деместровский анализ современных ему политических событий, ясный, глубокий, подчас удивляющий современностью и контрастирующий с ретроспективностью его доктрины. И это признание на исходе века, использовавшего всевозможные способы рационального эксперимента, гораздо убедительней комплиментарных речей апологетов, в XIX веке ценивших Местра, главным образом, за твердость консервативной позиции.

В России невероятная популярность деместровской темы последних лет имеет еще и другие причины. Прежде всего, она связана с желанием наверстать упущенное, поскольку тема долгое время относилась к разряду полузапретных. Сейчас это кажется почти забавным: философ наполеоновской эпохи был «необъявленным врагом» и монархии, и революционного лагеря, и советской власти. Первой де Местр не угодил по понятным причинам: католик, друг иезуитов, после Венского конгресса попал в список «неудобных» персон и был торопливо, хотя и с соблюдением всех почетных формальностей, выпровожен из России. С тех пор имя его в придворных кругах было, как будто невзначай, забыто, несмотря на характеристику, данную ему одним из приближенных царя, А. Стурдзой, как «самого выдающегося персонажа Петербурга во времена Александра»³ [6].

Революционерам и представителям демократического лагеря было недосуг разобраться в тонкостях консервативного стиля мышле-

³ «...Этот <...> государственный, кабинетный и салонный муж не имел себе равного в аристократическом обществе, в котором он господствовал <...> Месье де Местр был, безо всякого преувеличения, самым выдающимся персонажем места и времени, в которых мы живем, я хочу сказать при Дворе Императора Александра и периода между 1807 и 1820 гг. <...> Все превращалось в слух, когда, сидя в кресле с высоко поднятой головой, со своей широкой зеленой лентой ордена Св. Мавра и Лазаря, спускавшейся на грудь, с крестом, по виду похожим скорее на монашеский, чем на светский, граф де Местр отдавался ясному потоку своего красноречия, смеялся от души, изящно приводил доводы и оживлял беседу, руководя ею» [6, p. 171].

ния: идеологическая позиция Местра была вполне прозрачна, политический противник помилованию не подлежал. Оставалось ли у его разоблачителей смутное ощущение «не до конца правды», когда де Местра разделяли на страницах некрасовского «Современника»⁴, сказать трудно. Во всяком случае, многословие и напористая, на грани срыва, интонация статьи наводили на мысль о том, что обвинения в бездарности и полной аморальности, адресованные де Местру, не обоснованны. Однако не обошлось без исключений. Среди русских писателей и мыслителей, проявивших к де Местру интерес, был и представитель легального марксизма Петр Бернгардович Струве. В одной из своих работ периода эмиграции — «Пророчества о русской революции» [7] — Струве цитирует фрагменты из «Четырех глав о России» (*Quatres chapitres inédites sur la Russie*), где Местр предсказывал появление «университетского Пугачева» и «пожар, который может поглотить Россию», отдавая должное способностям Местра как наблюдателя. Однако голос Струве едва ли мог изменить общее подозрительно-враждебное отношение к де Местру представителей левого политического лагеря, к тому же, строки о де Местре появились уже тогда, когда сам Струве находился за пределами России. Понять его чувства лучше всего, наверное, мог только разделивший с ним судьбу эмигранта с демократическим прошлым русский религиозный философ Николай Бердяев, также посвятивший де Местру работу, где охарактеризовал его как глубокого мыслителя религиозно-мистического направления [8].

Но специальных работ о де Местре до революции в России почти не было. Обычно он появлялся в качестве героя эпизода среди представителей католической диаспоры Санкт-Петербурга. Он промелькнул на страницах книги Дмитрия Мережковского об Александре I [9] и чуть дольше задержал на себе взгляд православного священника Михаила Морошкина, написавшего труд об истории иезуитов в России [10]. Последнего интересовали связи Местра с орденом. В центре внимания М. Морошкина оказалась история «Пяти писем об образовании в России» (*Cinq lettres sur l'instruction publique en Russie*), адресованных графу Разумовскому, где де Местр защищал иезуитские пансионы от угрожавшего им в случае реформ М.М. Сперанского контроля со стороны Университетов. Сдержанное отношение православного священника к иезуитам не отразилось на оценке им таких выдающихся его представителей, как Габриэль Грубер, и, хотя чувст-

⁴ Местр в оценке демократического издания «далеко не блистает даже внешней стороной своих произведений», «пишет крайне дикие и отвратительные обскурантные вещи», а теория его не может «сравниться с тем уровнем мысли, который был дан французским скептикам прошлого века» [1, с. 541–576].

ва к Местру были более прохладными, Морошкин отметил незаурядные политические качества савойского дипломата.

Исключения составляли статья Александра Саввина [11] и очерк известного русского правоведа, представителя либеральной мысли Бориса Чичерина [12]. В обеих работах представлен обзор основных произведений и политической концепции Жозефа де Местра. Отличительной особенностью статьи Саввина была уравнищенность авторского анализа, очевидно, имевшего иную, нежели «Современник», цель — дать читателям представление о мыслителе, к тому времени уже недостаточно известном в России. Саввин обратил внимание читателей на сложность философии де Местра и процитировал противоположные оценки его наследия на Западе. Чичерин не ограничился изложением деместровских взглядов и постарался показать противоречия политической доктрины «*Du rare*», но это не меняло общего внимательного и заинтересованного отношения автора к де Местру.

Но все же де Местр оставался писателем для немногих, хотя уровень его читателей, среди которых были Чаадаев и Тютчев, Толстой и Достоевский, компенсировал недостаток внимания к нему просвещенной части общества в целом.

Самое любопытное, пожалуй, то, как складывались отношения де Местра с советской властью. Для того, чтобы он попал в список авторов, враждебных советскому государству, а, следовательно, не представляющих для науки никакого интереса, достаточно было того, что классики марксизма, по видимому, испытывавшие к нему нечто вроде интеллектуального уважения, в комплиментарно-разоблачительном запале называли его «махровым консерватором». С тех пор консервативная «махровость» в СССР ассоциировалась с его именем, но только при условии известной образованности. В остальных случаях о де Местре можно было и не вспоминать. И вдруг случилось непредвиденное. В 1937 г. в «Литературном наследстве» появилась серьезная статья некоего М. Степанова, посвященная российскому периоду биографии Местра. Подготовлена она была основательно, с использованием богатейших архивных материалов. У любого знакомого с российской историей человека сопоставление темы статьи с датой ее выхода не может не вызвать изумления. Не менее загадочна и фигура самого «М. Степанова», попавшего в заглавии в пару с французским исследователем Ф. Вермалем. Загадка разъясняется достаточно просто. Статья подходила по формальному критерию к серии «Русская культура и Франция», а добротность, с которой она была выполнена, соответствовала научному изданию в стиле сталинского ампира. Но настоящий ее автор — историк Андрей Шибунин — оказался в лагере до выхода работы в свет. Ему инкриминировали то, что он взялся писать о де Местре, не испросив на то разрешения ЦК. И пока далекие от истории люди в Центральном Комитете пытались определить сте-

пень злонамеренности ученого и серьезность угрозы, исходящей от Местра, судьба Шебунина решилась на месте, а статью коллеги, воспользовавшись заминкой «наверху», успели опубликовать под псевдонимом [13, с. 118]. Попыток повторения подобных изысканий вплоть до перестройки не предпринималось. И сегодня статья А.Н. Шебунина является самым обстоятельным исследованием российского периода эмиграции Местра, а его язык может служить образцом для молодого поколения российских историков.

Не удивительно, что с появлением возможности говорить и писать на эту и другие темы в России потребовалось время для того, чтобы нашлось, *что* сказать и представление о том, *как* — для исследования философской и теологической мысли изломанный язык политической литературы старого образца был не слишком подходящим инструментом. Исследователи, рискнувшие обратиться к Местру, отдавали предпочтение малой форме — статьям и эссе. Одной из самых ранних вещей была статья С.С. Хоружего, посвященная сравнению историко-философских взглядов де Местра и русского историка Льва Платоновича Карсавина [14]. Автора привлекло сходство восприятия революционных событий избранными им для сравнения мыслителями. Провиденциализм, «сила обстоятельств» — эти элементы в модифицированной форме встречались в произведениях русского историка и философа.

Работы историков политической мысли о консерваторах часто носили «панорамный» характер, что не снижает их ценности — первое слово бывает очень важно. Мария Михайловна Федорова, например, в своей статье [15] рассмотрела взгляды традиционалистов через призму методологии К. Манхейма. Несколько лет назад ставшая теперь привычной мысль о том, что консерватизм нес в себе мощный антирационалистический заряд и был ответом на мыслительную культуру Просвещения, в России отнюдь не была тривиальной. Среди тех, чьи взгляды анализировала Федорова, был и де Местр.

Затем настало время переводов. В Москве и Петербурге вышли «Размышления о Франции», «Санкт-Петербургские вечера» (*Soirées de Saint-Pétersbourg*), письма Местра из Петербурга в Сардинию. Де Местр не выдерживает конкуренции со скоростью переводов М. Фуко, но обращение к нему таких замечательных переводчиков, как А.А. Васильев и А.Г. Терехова, внушает надежду на то, что качество переводов будет достойно автора.

В последнее время в деместровской библиографии появились новые книги. Это работа французского исследователя Б. Микеля и сборник статей о де Местре западных специалистов из университетов Парижа, Небраски, Уэллса, Манитобы, Оксфорда и др. Первая является произведением биографического жанра, причем в ней уделяется внимание и российскому периоду эмиграции Местра; вторая — серь-

езным обобщением многолетней работы, проводившейся в Институте деместровских исследований в Шамбери (Савойский университет, Франция), крупных академических центрах и на Конгрессе по XVIII веку. Приятной новостью для всех, кто интересуется де Местром в России, стало участие в издании сборника переводчицы, комментатора произведений французских писателей и автора статей, посвященных французской культуре, Веры Аркадьевны Мильчиной. Таким образом, у двух, довольно разных историй изучения этой темы появилась точка соприкосновения.

Книги объединяет не только тема, но и тональность. Спокойная интонация избавляет читателя от необходимости чувствовать себя вовлекаемым в контекст более широкой — идеологической полемики. В работах ничто не отвлекает внимания от их содержания. Это отнюдь не лишает их выразительности. Книга Б. Микеля читается практически как художественное произведение, а сборник под редакцией Р. Лебрана, настолько насыщен, что сожаление вызывает только невозможность посвятить отдельную рецензию каждой из статей.

Первое, что удивляет при чтении книги Бастьяна Микеля, это свобода от груза недавних битв. Возможно, в какой-то степени, это и упрощает исследование, но преимуществом такого способа является непосредственность и интерес, передающийся читателю.

Исследователь избегает некоторых тем, интриговавших Р. Триомфа, таких как вопрос об аристократическом происхождении де Местра или о подлинности его чувств к жене; он вообще старается не проверять искренность де Местра. Но в книге гораздо более подробно повествуется о детских и юношеских годах Жозефа, то есть о разделе биографии, который в книге Триомфа обозначен только пунктирно, а портрет самой мадмуазель де Моранд и история затянувшегося сватовства получились куда более живыми и интересными.

Микель вводит читателя в семейный круг своего героя, и последующие события воспринимаются не как хронологическая таблица, а история реальных, живых, разбросанных по миру людей, искавших утешение в душевной связи, значившей для них больше, чем успехи Жозефа в роли политического консультанта и писателя.

Что касается российской одиссеи де Местра, то эта часть, пожалуй, не добавляет новых фактов по сравнению с исследованием А. Шебунина, но представляет ценность, особенно для западного читателя, поскольку не только содержит перечень всех русских знакомых Местра, но и воспроизводит историческую обстановку Петербурга. Автор старается увидеть город глазами своего героя, и взгляд, переходя с одного предмета на другой, возвращается время от времени к фигуре Петра I. Конная статуя царя-реформатора становится символом города, власти и, может быть, самой России. — Простертая рука самодержца, то ли защищающая, то ли готовая обрушиться, олице-

творяет двойственный характер единой государственной власти, способной с равным успехом воплотить самый невероятный проект и покарать за попытку неповиновения.

Микель прослеживает историю дипломатического восхождения де Местра в Петербурге: от дома герцога Серра-Каприола — до дворцового кабинета самого Александра I. И хотя все эти аспекты затрагивались в работах предшественников Микеля, в данном разделе работы есть нечто оригинальное, а именно оценка дипломатических заслуг де Местра. Автор обратил внимание на то, что Местр справился с практически невыполнимым заданием: приехав в Петербург представителем короля без королевства, он достиг не только признания себя в роли дипломата, но и, благодаря влиянию при дворе, сумел добиться оказания Сардинии финансовой и военной поддержки со стороны России. В изложении Р. Триомфа затруднения, которые испытывал де Местр, выглядели едва ли ни уловками, придуманными им для того, чтобы заставить своего покровителя быть более щедрым.

Иногда автор переходит от биографии к деместровской философской системе, устанавливая при этом связь между биографическим контекстом и появлением тех или иных идей или особенностей религиозно-политической концепции. Например, Микель обращает внимание на то, что появление крупных произведений Местра религиозно-философского характера в Петербурге было неслучайным, так как чужой и неудобный город располагал к мыслям о «земном пристанище», и таковой стала для Местра католическая церковь.

Книгу Б. Микеля отличает удачное соединение основательности, и живости языка, что позволяет оценить ее не только специалистам, но и всем, кто увлечен историей XVIII — первой четверти XIX в. Симпатия к герою, мягкость интонации могут увлечь читателя, не знакомого с Ж. де Местром, а тем, кто занимается этой темой давно, доставят удовольствие напоминанием о том первом непосредственном впечатлении, которое когда-то, может быть, вызвала у них необычная судьба Местра и его семьи.

Сборник, посвященный Жозефу де Местру, в отличие от предыдущей работы, написан не в жанре биографии, хотя авторы и старались отчасти следовать хронологическому принципу. Большая часть статей носит проблемный характер и, либо, посвящена ранее неизученным и недостаточно хорошо изученным аспектам биографии и философско-политической системы де Местра, либо содержит принципиально новый взгляд на уже известные факты. Не трудно заметить, что и то, что большинство авторов прямо полемикует с Робертом Триомфом. Однако серьезные аналитические статьи не умаляют значение представленных в сборнике материалов обзорного характера, связанных с резонансом и изучением идей Жозефа де Местра в России и англоязычном мире, поскольку те содержат систематическое и обстоятельное изложение новых фактов.

Сборник включает четыре тематических блока, посвященных биографическим аспектам, философско-политическому наследию де Местра, судьбе его идей в Англии, Америке и России, а также сравнительному анализу взглядов де Местра и мыслителей, с которыми его часто соотносят: Эдмунда Берка, Луи де Бональда и Карла Шмитта.

Биографический раздел книги представлен статьями французского историка Ж.-Л. Дарселя. В качестве предмета исследования Дарселем был выбран период эмиграции Местра, то есть время между 1792 и 1817 гг.

Хронология этих событий восстановлена уже довольно давно, но у исследователя были серьезные причины для того, чтобы обратиться к ним снова. Историк старается понять, насколько обоснованы некоторые выводы Р. Триюфа. Свообразными «вызовами» служат следующие утверждения его предшественника: де Местр попал в консервативный лагерь едва ли ни с якобинских позиций и его «ненависть к революции — это ненависть отречения» [16, р. 34]; причиной целой серии преследовавших Жозефа карьерных неудач была неприязнь к нему сардинских монархов; де Местр преувеличивал собственное значение и дипломатические заслуги в Петербурге, пытаясь добиться от короля более щедрой, чем следовало, оплаты услуг Сардинскому дому.

Детальный анализ фактов позволяет Ж.-Л. Дарселю прийти к выводу о поспешности этих заключений. Легенда о том, что де Местр проделал путь от «левого» лагеря до ультраправой позиции, основанная на участии Жозефа в деятельности масонской ложи и его ранних размышлениях о недостатках сардинского правления, возникла, как считает Дарсель, из-за того, что эти вещи интерпретировались через призму теории классового антагонизма [17, р. 34]. Однако масонство было неоднородно в политическом отношении, а критика современной системы правления была возможна не только с левых позиций. Внимательное изучение масонского окружения де Местра, а также содержания рекомендаций, представленных в «Похвале Виктору-Амедею», свидетельствует о том, что Местр не изменял политической позиции в ходе революции, чему, кстати, есть и прямое свидетельство — известное признание Жозефа в том, что Берк *только* «укрепил его анти-демократические и анти-галликанские представления», но не «обратил на истинный путь». По мнению Дарселя, поводом для критических замечаний Местра в адрес сардинских королей послужила тенденция к концентрации политической власти, ставшая причиной нарушения традиционного равновесия сословий — дворянства, духовенства и магистратов, обеспечивавшего прочность государственного порядка и самой монархии. Таким образом, Местр выступил, скорее, в роли традиционалиста, нежели сторонника представительства в духе Просвещения. Вывод Дарселя подтверждает и то, что де Местр

первоначально приветствовал созыв Генеральных штатов накануне революции потому, что усмотрел в этом признаки восстановления традиционной политической конституции этой страны. Дарсель подчеркивает то особое значение, которое имел для становления политических идей де Местра автор «Телемаха» — Фенелон. Представленный им идеал социальной гармонии вокруг добродетельного монарха стал органичной частью деместровского политического проекта, представленного в «Размышлениях о Франции». По мнению французского исследователя, задача книги состояла в том, чтобы донести мысль о причинах падения монархии. Помимо религиозно-философского, в концепции революции де Местра присутствовал еще вполне «земной» ракурс, связанный с оценкой ошибок французской короны, главная из которых заключалась в нарушении равновесия между дворянством и третьим сословием, породившем абсолютизм и обернувшимся дисбалансом «между монархом и подданными», между «правлящими и управляемыми», что привело к губительной альтернативе: «бездействие или репрессия» [16, р. 36-37]. Таким образом, Дарсель представил возможность принципиально иной интерпретации политических взглядов де Местра до начала революции.

Важным сюжетом стала и история взаимоотношений де Местра и сардинских монархов. В центре внимания Ж.-Л. Дарселя оказалось суждение о том, что представители Савойского дома будто бы намеренно тормозили карьерное продвижение де Местра, поскольку испытывали к нему недоверие или неприязнь. Дарсель отмечает, что причины, замедлявшие его восхождение, имели, во многом, объективный характер. Сардинский дом был искусственной и конструкцией, участь которой должна была определить надвигающаяся революция [16, р. 48]. Непростая политическая обстановка была фоном, сопровождавшим основные вехи деместровской карьеры.

Соотнося персональные данные окружавших де Местра чиновников со скоростью получения ими сенаторского звания, Дарсель находит разгадку причины, по которой де Местр был вынужден ждать кресла сенатора дольше других: он был младше многих своих коллег по магистратскому корпусу. Дарсель полагает, что «если королевская власть и желала устроить более длительное ожидание блистательному, способному, но молодому и импульсивному подданному, это было проявлением здравого смысла правителя» [16, р. 52]. Король не хотел создавать обстановки недовольства и интриги, опасной для деятельности института. Нетерпение Местра было естественно, но это не означает, как считает Дарсель, что он «был объектом особой немилости» [16, р. 52]. Прослеживая развитие деместровской служебной карьеры при дворе сардинских королей, уже в период эмиграции, Ж.-Л. Дарсель конкретизирует причины, обернувшиеся для него серьезными трудностями — Жозеф оказался вовлеченным в борьбу придворных партий. В условиях кризиса приверженцы авторитарного

правления одержали верх над сторонниками легализма, к которым примкнул де Местр, и, хотя личные симпатии Виктора-Эммануила I были на стороне Местра, король полагал, что в трудных ситуациях военные, а не магистраты спасают монархию. И все же Сардинский государь постарался позаботиться о своем протеже. Дарсель и Триомф существенно расходятся в оценке назначения де Местра посланником в России. Триомф полагал, что при дворе его желали видеть как можно дальше и предпочли избавиться от его присутствия, как только представилась возможность, Дарсель считает, что назначение в Петербург было и ответственным, и почетным поручением, несмотря на все неудобства, — в списке дипломатических приоритетов Сардинии Петербург занимал второе место после Лондона.

Французский специалист иначе, чем Триомф, представляет себе и результаты деместровского пребывания в Санкт-Петербурге. Ж.-Л. Дарсель подчеркивает, что де Местр не только неукоснительно исполнял обязанности посланника; «его моральные качества, ораторские способности, таланты ученого и переводчика обеспечили ему положение, о котором можно было только мечтать» [17, р. 23]. Таким образом, точка зрения Ж.-Л. Дарселя в этом вопросе совпадает с мнением Б. Микеля.

Позиция исследователя кажется убедительной, поскольку трудно обвинять в аморальности человека, готового ради восстановления порядка, в который он верил, посвятить себя служению монархии как институту, куда бы его не заводила судьба, и в то же время способного на взлете политической карьеры в России отказаться перейти на русскую службу. Предупреждение, более чем рискованное, однако, по-видимому, неизбежное для человека его склада. Что касается просьб об увеличении жалования, они были оправданы — Санкт-Петербург был самым дорогим городом Европы и требовал весьма значительных средств.

К анализу идей де Местра Ж.-Л. Дарсель обращается в разделе книги, связанном с религиозно-философской и политической теорией. Историк освобождает своего героя от шлейфа пестрых и соревнующихся друг с другом определений, обращая внимание на особый — синтетический характер его стиля, не позволяющего втиснуть его в рамки одного направления. Делая обзор работ де Местра разного времени, Дарсель показывает, что провиденциализм соединялся в них с влиянием мистического масонства. Следы масонской метафорики можно обнаружить не только в «Размышлениях о Франции» и «Эссе о главном принципе политических конституций», где возникала аллегория «Вечного Архитектора», но даже в проникнутой духом ультрамонтанства поздней работе «О папе», где присутствует символ «Небесного града».

В то же время, обращаясь к этой сложной для интерпретации, наиболее спорной, провокационной книге Жозефа де Местра, Дарсель возражает против модернизации высказанных в ней идей как чрева-

тых тенденцией к легитимации тоталитарной, не знающей границ власти. По мнению Дарселя, это далеко от истины. Местр представил на страницах «Папы» консервативную утопию, ядро которой составляла отнюдь не абсолютная монархия, а суверенитет, неограниченный в законодательной деятельности, но делегированный властью составляющих государство частей — сословий, под духовной опекой первосвященника как гаранта «божественного характера суверенитета» и «законной свободы человека» [18, р. 129]. Для Дарселя очевидно — политический идеал де Местра продиктован условиями первой четверти XIX века, когда создание консервативной утопии могло служить приверженцу Старого режима утешением.

В оценке Дарселя де Местр «не был ни идеологом абсолютной власти, ни «мистическим материалистом» (Робер Триумф), ни «пророком прошлого» (Балланш), ни «жестоким пророком нашего времени» (Исайя Берлин)», а был «космополитом, искавшим единства, которое невозможно обрести, уехав за границу и ожидая момента, когда оно наступит, так же, как момента, когда нация достигнет социального, политического и морального совершенства» [17, р. 31]. Дарсель, так же, как Чьоран, оставляет за де Местром привилегию быть сложнее емких образных резюме: «Избегавший границ, он избегает и классификации» [17, р. 31].

Необычность раздела книги, посвященного теоретическим взглядам де Местра, связана с тем, что в нем рассматривается не только религиозно-философская и политическая мысль де Местра, но его экономические взгляды, а также социологические идеи. Анализ экономических представлений Жозефа де Местра Жаном Денизе [19], содержит некоторое противоречие тезису Ж.-Л. Дарселя о том, что де Местр не пережил в действительности перехода от либеральных идей к консервативному направлению, или, может быть, несет в себе уточнение: экономические взгляды де Местра служили нишей для либеральных представлений.

Автор статьи доказывает, что, по крайней мере, в первой половине жизни Местр был сторонником интегрального экономического либерализма и противником идеи государственного вмешательства. Проявление этого Денизе усматривает и в знаменитом высказывании Жозефа де Местра том, что «лучшей формой правления» является та, что может «обеспечить наибольшее благо наибольшему числу людей в течение наиболее продолжительного времени» [19, р. 88].

Денизе предполагает, что экономические вкусы обеспечили похвалы де Местра в адрес традиционной французской монархии — «соединения свободы, здравомыслия и благоразумия» [19, р. 89]. Что же он должен был думать об абсолютизме Людовика XVI, когда не было уже ни независимого дворянства, ни представительства мнения, ни относительной свободы провинций, городов, занятий? Местр не

одобрял концентрации власти. Таким образом, Дарсель и Денизе соглашались в том, что де Местра нельзя считать сторонником абсолютизма, однако не по разным ли причинам? Дарсель полагает, что критическое отношение де Местра к централизации имело традиционалистскую генеалогию, Денизе связывает это с либерализмом, обращавшимся к традиции за поддержкой и легитимацией своей позиции.

Во всяком случае, и в 1785 г., считает Денизе, взгляды де Местра на экономику были такими же, если не более либеральными, чем во времена его ранней вещи — «Похвалы Виктору-Амедею». Автор статьи приводит высказывание Местра этого времени: «Упрекать человека за применение всего к себе, это значит упрекать его за то, что он — человек» [19, р. 88].

Внимание к природе человека, его качественному своеобразию, как полагает Жан Денизе, определило симпатию де Местра к Неккеру, ненавидимому большинством роялистов; в их взглядах удается обнаружить некоторое созвучие: оба испытывали инстинктивное отвращение к теории, предмет которой вытекал из идеологии, а не из реального мира, оба были практиками и прагматиками, оба сходились на приверженности конкретному человеку, зачастую становящемуся жертвой реформ, вытекающих из абстрактных принципов.

Жан Денизе, так же как Жан-Луи Дарсель, отмечает сложность деместровских идей. Проявление противоречивости его экономических взглядов исследователь видит в том, что принцип «естественного развития», отрицающий всякий дирижизм и предполагающий спонтанный порядок, трудно сочетается с взглядом на человека, выдержанным в русле христианской традиции, как на раздвоенное существо, колеблющееся между добром и злом и проявляющее большую склонность ко второму, а следовательно, нуждающееся в опеке и контроле. То есть Денизе открывает характерное для де Местра несоответствие между экономическим либерализмом и отсутствием являющейся основой либеральной позиции идеи о суверенитете личности, ее способности и праве быть свободной.

Несомненной удачей книги являются и разделы, посвященные деместровской теории жертвы и теории языка. Авторы этих разделов смогли представить де Местра как одного из предшественников современной социологии. Для Оуэн Брэдли очевидно, что, вопреки стереотипам, де Местр не принадлежит к числу мыслителей, восславивших насилие, а является одним из первых философов, представивших социологически-ориентированную теорию жертвоприношения, основанную на сравнительном изучении мировых религиозных практик.

По мнению Брэдли, Местр чаще оказывается социологом, чем теологом, поскольку размышляет о жертвоприношении чаще как о социальной практике, чем как о божественном деле: «Его больше интересует эволюция ритуалов, их формы, то, кому они предназначались. Это мож-

но рассматривать в качестве одного из самых ранних примеров в области социологии религии» [20, р. 69]. О. Брэдли показывает, что де Местр оспаривал представление, согласно которому жертвоприношение было продиктовано юридической практикой казни преступников, поскольку полагал, что такая трансформация произошла позднее, а первоначально жертва избиралась из числа невинных, поскольку призвана была заместить виновных, в этом-то и состояла ее ценность. Расшифровка символического смысла обряда жертвоприношения позволила де Местру лучше понять смысл такого сложного конструкта, как христианское представление о жертве, также основанного на принципе замещения невинным — виновного. Однако в христианской практике жертва становится чем-то символическим и ненасильственным, ритуальное убийство заменяется личным аскетизмом как средством очищения, жертвоприношение — добровольным самоограничением.

Исследователю удастся связать деместровскую теорию жертвы и его взгляды на природу войны, дав объяснение одной из самых провокационных и страшных максим философа: «Война божественна». Местр рассматривает войну как результат «неоплаченных народом преступлений». По мнению Брэдли, Местр называет войну «божественной» не потому, что желает воспеть ей хвалу, а потому, что, испытывая религиозный страх перед наказанием, отсылает к «экономии жертвоприношения», помещающей беспорядок и кровопролитие внутри ритуализированного порядка [20, р. 78]. Автор работы показывает, что, хотя Местр и колебался между позицией теолога и социолога, теоретическое значение его концепции заключалось в том, что он старался связать практику жертвоприношений с формами, значением и границами насилия в человеческом обществе.

Б. Тюрстон, автор статьи о деместровской теории языка, связывает ее возникновение, с одной стороны, с распространением в XVIII веке идеи об изобретении универсального языка, простого, как математические правила, а с другой — с преобладающей ролью французского, ассоциировавшегося для многих его современников с республиканизмом.

Де Местр одним из первых дал социологическую оценку значению французского языка, ставшего «живым агентом изменения». По наблюдениям де Местра, революционные идеи получили распространение именно потому, что преподносились на языке культуры и международного общения. В то же время Местр, подобно Риваролу, установил зависимость между развитием языка и политическим контекстом, обратив внимание на «проективные» свойства речи, способной вбирать неологизмы и идеологические формулы, лишённые смысла, и осуществлять таким образом их «легитимацию».

Язык, являясь своеобразным «индикатором» социальных явлений, по наблюдениям де Местра, довольно точно отражал смысл про-

исходящих в обществе процессов: политическому рационализму соответствовал механистический, сухой, алгоритмизированный жаргон. Абстрактная основа этого языка делала его нетерпимым к неправильностям и своеобразию реального мира. Таким образом, исследования О. Бредлея и Б. Тюрстона являются продолжением идеи Э. Чьорана о социологическом характере деместровского мышления.

Заключительная статья раздела «Жозеф де Местр — католический философ власти» посвящена исследованию функции религии в деместровской политической концепции. Ее автор Ж.И. Праншер попытался реконструировать логику, связавшую религиозный и светский авторитет настолько тесно, что эта связь в «О папе» концептуализируется в идею о тождестве, параллелизме двух видов власти; поэтому главным предметом анализа становится концепция *суверенитета*. Праншер устанавливает сходство между представлением о характере суверенной власти де Местра и его предшественника — создателя доктрины — Жана Бодена. Для обоих мыслителей, как считает французский исследователь, характерно то, что суверенная власть рассматривалась ими как абсолютная, и это ее свойство вытекало из определения — не связанная, не ограниченная ничем, обладающая исключительным правом на принятие решений, то есть самопроизвольная.

Таким образом, читатель оказывается вовлеченным в курс проблемы, связанной с *истолкованием понятия суверенитета*. В философских словарях можно обнаружить утверждения о том, что суверенитет в боденовском словоупотреблении — это не только высшая, неотчуждаемая, постоянная власть в государстве, но еще и власть, *несводимая к конкретным носителям*. Однако внимательное прочтение текстов Ж. Бодена убеждает в обратном — философ не рассматривает ее отдельно от ее воплощения и вообще не разграничивает *суверенитет* и *власть суверена*. Его задача иная — показать, в чем заключается отличие власти *истинного суверена* от власти *держателя или пользователя*. Различие определяется исключительной прерогативой на принятие жизненно важных решений. Праншер показывает, что де Местр наследует логической традиции Бодена, и, хотя в его произведении «О папе» можно встретить суждение о том, что в исполнении суверенитета участвуют две силы — монархия и народ, это не меняет внутренней логики, утверждающей *тождество суверенитета и суверена и единственность последнего*. Согласно де Местру суверенитет может быть *только монархическим*. Это объясняет и происхождение деместровских утверждений о том, что к верховной власти не может быть применено понятие *несправедливой*, так как на практике — совершенно одно и то же *ошибаться и быть правым, не подлежа за это обвинению*.

Отсюда вытекает и идея о непогрешимости *папской власти*, которая, являясь властью *суверенной* — иначе невозможно было бы

церковное единство, по определению *свободна от обвинений и следовательно — ошибок*. Таким образом, в «О папе», как показывает Праншер, выдерживается единый логический стиль: и в светской, и в духовной сфере власть мыслима только в *монархической форме и в единственном числе*. И стяжание хотя бы части политических полномочий означает, по де Местру, разрушение самой власти как таковой и содержит угрозу политическому порядку.

В работе проводится изящный анализ взаимоотношений де Местра и Руссо. Прашнер обращает внимание на то, что, полемизируя с автором «Общественного договора», Местр не упускает случая обратиться против него его же аргументацию — о том, что суверен не может быть ограничен в своих действиях. Де Местр доводит тезис Руссо до логического предела. Вместе с тем, французский исследователь показывает, что для Жозефа де Местра последовательное отстаивание монархического принципа не означало того, что власть должна быть деспотичной: суверен потому является подданным закона, что и само его право вытекает из конституционных законов государства; «абсолютное право суверена не может отменить законы, делающие его источником права» [21, р. 136-137].

Однако отношения светской и духовной власти у де Местра не очерпываются лишь установлением между ними сходства и родства. Если право суверена вытекает из исторической конституции государства, то политический порядок и выбор династии являются для него делом *божественным*, что и позволяет Праншеру охарактеризовать политическую концепцию Местра как «радикальный историцизм» [21, р. 150].

Идея де Местра о *непогрешимости суверенитета* возникает на страницах книги не однажды, к ней обращаются и авторы блестящих сравнительных исследований: Грим Гаррард в работе о Местре и Карле Шмитте, удостоившем французского мыслителя самых высоких похвал за «кристаллизацию момента решения» как отражение сути политической воли и главное качество суверенной власти [22, р. 223]; Р.А. Лебран [23, р. 164], в статье о де Местре и Эдмунде Берке, отмечая, что вера в абсолютную, унитарную природу суверенитета является одним из общих элементов их концепций [23, р. 164]; Джей Риди — в эссе о де Местре и де Бональде [24, р. 195], в связи с анализом специфических приемов обоснования традиционализма.

К сожалению, у нас нет возможности дать обстоятельный обзор каждой из этих замечательных вещей, но можно сделать несколько принципиальных замечаний. Работы Р. Лебрана и Дж. Риди объединяет, пожалуй, то, что оба автора отдают предпочтение де Местру перед его современниками — Берком и де Бональдом. Причиной единодушного выбора является неожиданность, синтетичность мышления де Местра, соединившего просветительскую культуру с критикой политического рационализма, католическую доктрину — с мистикой,

уважение к британской традиции и ужас перед якобинской политикой с любовью к Франции. Центральным элементом деместровского взгляда на происходящее является провиденциализм, аргументы Берка и Бональда, в оценке обоих историков, по сравнению с деместровскими, выглядят более «эмпирическими», «утилитарными» [23, р. 165] или, по-лейбницовски, «сциентистскими» [24, р. 179]. В их рассуждениях нет места «неведомому», «необъяснимому», «тайне»; в то время, как Местр готов признать границы человеческого понимания. Но это не проявление слабости и не кокетство, а то, что придает его мысли и большую пластичность, и большую социологичность с акцентом на возможностях познающего субъекта, и, в конце концов, делает ее более современной. Не даром у Риди вырвется метафора: стилистически Бональд ближе структурализму, Местр — постструктурализму [24, р. 179].

Сравнение де Местра и Карла Шмитта интересно неожиданностью заключений Г. Гаррарда. Принимая во внимание эволюцию Шмитта от монархических позиций по направлению к демократии как воплощению «единства управляющих и управляемых», и непримиримое отношение де Местра к ней как разновидности анархии, можно было бы ожидать более жесткой оценки политических взглядов де Местра, по сравнению с идеями Шмитта. Однако Гаррард заметил, что «демократизм» Шмитта определяет приверженность де-сиджионизму в стиле Гоббса. Следуя логике волюнтаризма, Шмитт освобождает политическую волю от морали, тогда как де Местра распространение идеи непогрешимости суверенитета и на духовную сферу приводит к строгому подчинению политического решения — морали христианской. С этим связана и разная степень политической терпимости мыслителей: Шмитт, например, оправдывает антисемитизм, Местр, как показывает Г. Гаррард, антисемитом не был. Шмитт ценил де Местра за «реализм», иначе говоря за социологический анализ политического, однако именно провиденциализм и ультрамонтанство де Местра, как считает Гаррард, делали его «куда меньшим реалистом», чем полагал Карл Шмитт [22, р. 237-238].

В раздел книги, посвященный распространению и восприятию идей де Местра, вошли тексты Р. Леброна [25] и Ж.И. Праншера [26].

Статья Леброна дает панораму исследований деместровской темы и резонанса его идей в англофонном мире, представляя весь спектр оценок де Местра: от крайне критических — как защитника испанской инквизиции и апологета архаичных институтов — до современных, нашедших отражение и в данном издании.

Завершающее исследование Ж.И. Праншера отличает новизна авторской позиции: при всей увлекательности попыток проводить параллели и сравнения де Местра с современными мыслителями, это занятие не слишком плодотворно, поскольку погоня за сенсацией оборачивается пренебрежением историческими данными, а Местр оказывается

«ответственным» за появление слишком уж разных мыслителей: от Моррасса и Ницше до Хайека и постмодернистов. [26, р. 299].

С точки зрения продолжения российской линии исследований, связанных с де Местром, важным событием является публикация статьи В. Мильчиной [27], представляющей интерес и для биографов де Местра, и для специалистов в области истории российско-французских связей, и для широкого круга читателей. Прежде всего, обращает на себя внимание структура работы, нетипичная для российской исторической школы. В работе нет ни привычного для таких исследований пространного введения об особенностях исторической ситуации и месте де Местра среди его современников, ни пересказа основных событий деместровской биографии и фактов, связанных с его пребыванием в России. Задача статьи более конкретна — проследить влияние де Местра в России, следы его присутствия в произведениях известнейших русских писателей, поэтов и политических мыслителей.

С первых страниц Мильчина старается выделить наиболее часто цитируемые в российских источниках суждения, максимы, образы, обязанные своим происхождением знаменитому франко-итальянскому философу. И наиболее часто встречаются те, которые несут на себе печать фатализма. Наверное, этому есть свое объяснение — в России, где политика была привилегией немногих, покорность судьбе и порядку тренировала зрение на поиск всего того, что оправдывало и в какой-то степени смягчало, таким образом, обычную практику. И знаменитая идея де Местра о том, что «народ имеет то правительство, которого достоин» получала для его русских поклонников образное воплощение в фигуре палача — символа нерушимого политического порядка.

Круг петербургских современников де Местра, так или иначе связанных с ним дружескими или служебными отношениями, Мильчина дополняет читателями де Местра. Среди них оказываются личности самые разные: генерал, будущий декабрист Михаил Орлов⁵, официальный историк, убежденный государственник и монархист Николай Карамзин, братья Тургеневы, Александр, Сергей и Николай, старший из которых был директором Департамента иностранных культов Министерства духовных дел и просвещения (Ministry of Spritual Affairs and Popular Enlightenment), средний известным православным ортодоксом, а младший либералом и сторонником отмены крепостного права. Все они находили у Местра что-то, что служило импульсом для их размышлений, причем отнюдь не только в негативном смысле. Даже те из них, кто придерживался противоположной религиозной

⁵ Более подробно вопрос о влиянии Ж. де Местра на развитие взглядов декабриста М.Ф. Орлова рассматривается в статье В.С. Парсамова [28].

или политической позиции отдавали должное его уму, пронизательности и даже стремились позаимствовать его стиль, манеру рассуждать, азарт для обоснования собственных идей и проектов.

Вслед за теми, кто читал произведения де Местра буквально *из под пера*, Мильчина представляет развернутую галерею портретов литераторов и публицистов, испытавших влияние де Местра уже после его смерти. Большинство из этих имен упоминалось в статье А. Шебунина, однако исторический характер его исследования не позволил ему отдать должное внимание этому сюжету. Шебунин обозначил его как возможность дальнейшего развития темы, Мильчина провела довольно подробный сравнительный анализ текстов произведений.

Среди тех, на кого де Местр оказал наибольшее влияние, — философ и публицист Петр Чаадаев («Русский де Местр № 1»), поэт Федор Тютчев, писатель Федор Достоевский. На Чаадаева Местр произвел настолько глубокое впечатление, что отдельные высказывания его о России стали темами чаадаевских «Философических писем». Одиночество России в мире, ее отпадение от Европы, вызванное Расколом и татарским нашествием, тайна божественного промысла, поверхностность русского взгляда, перемещающегося с одного предмета на другой, не ведая им цены — все эти идеи перешли на страницы произведений Чаадаева из деместровских «Санкт-Петербургских вечеров», писем и «Четырех глав о России» (*Quatres chapitres inedites sur la Russie*).

Влияние де Местра на Тютчева проявляется, главным образом, в религиозных воззрениях последнего и его взглядах на национальное предназначение. Сторонник конфессионального объединения, он лишь заменил католицизм православием, полагая, что именно русской церкви надлежит возглавить религиозное братство. А идея о том, что нация является инструментом в руках Провидения, почти дословно воспроизводила соответствующие места в книгах де Местра.

Достоевского объединяет с де Местром пессимизм в отношении Прогресса. Осознание слабости человеческой природы, не только определяло их инстинктивное недоверие к науке, но и заставляло искать рецепты безопасного существования в прошлом, несколько идеализированном средневековом христианском мире. Различие заключалось в том, что Местр отдавал предпочтение Церкви как цементу политического здания, Достоевский уповал на *Религию любви*.

Неординарность взгляда В. Мильчиной проявляется в том, что она указывает на славянофилов и русских националистов как на последователей Местра в России. Шебунин писал, что книги Местра входили в круг чтения Аксаковых, Киреевского, Каткова, и Мильчина не случайно включает их в свой обзор — тем суждениям де Местра из «Санкт-Петербургских вечеров», где он призывает россиян придерживаться обычаев, не зная контекста, вполне можно приписать славянофильское авторство. И, наконец, фигура, мимо которой невозможно пройти, — Л.Н. Толстой. Местр не только послужил прототипом

двух героев «Войны и мира» (аббата в салоне Анны Павловны Шерер и некоего иностранного посланника, чье мнение о Кутузове цитирует Толстой), но и, по-видимому, оказал сильное влияние на историко-философскую концепцию Толстого. Последняя часть романа, проникнутая идеями о божественном предопределении и о том, что мудрость полководцев и политиков состоит в угадывании обстоятельств, навеяна темами «Размышлений о Франции».

В работе упоминаются и другие имена, в том числе историки, писавшие о де Местре в XX веке, — Карсавин и Шебунин. Упоминание об авторе классической статьи в «Литературном наследстве» как бы соединяет прошлое с настоящим. На наш взгляд, изящная работа В. Мильчиной — первое со времен Шебунина значительное и развернутое исследование по этой теме в России. Появление за довольно непродолжительный срок двух книг о Жозефе де Местре, интерес к нему западных и российских исследователей свидетельствуют о том, что мыслитель способен интриговать современность, что не всегда доступно писателям его века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советы Жозефа де Местра (без автора) // Современник. СПб. 1866. Т. СХII. № 2.
2. Степанов М., Вермаль Ф. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Русская культура и Франция. I. Т. 29–30. М., 1937.
3. *Triomphe R. Joseph de Maistre: Etude sur la vie et la doctrine d'un matérialiste mystique.* Geneva: Droz, 1968.
4. Berlin J. Joseph de Maistre and the origins of Fascism // The New York Review of Books, 1990. Vol. XXXVII. № 14–16.
5. Cioran E. M. Joseph de Maistre. Textes choisis. Monaco-Ville: Editions du Rocher, 1957.
6. Stourdza A. de Le comte de Maistre // Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et litteraires d' Alexandre de Stourdza. Souvenir et portraits. Paris: Dentu, 1859.
7. Струве П.Б. Пророчества о русской революции. // Дух и слово. Статьи о русской и западно-европейской литературе П.Б. Струве. Paris: YMCA-press Corp., 1981.
8. Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Париж, 1926. № 4.
9. Мережковский Д. Александр I. Т. I. СПб.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1913; 1990 (репринт).
10. Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени: часть вторая, обнимающая историю иезуитов в царствование Александра I-го. СПб.: Типография 2-го отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1870.
11. Савин А. Жозеф де Местр. Очерк его политических идей // Вестник Европы. СПб., 1900. Т. I. Кн. 2.
12. Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. 5. М.: Типография Грачева и К°, 1902.

13. *Сироткин В.* // История и историки: историографический ежегодник. М.: Изд. АН СССР, 1975.
14. *Хоружий С.С.* Красавин и де Местр // Вопросы философии. 1989. № 3.
15. *Федорова М.М.* Традиционализм как антирационализм // ПОЛИС. 1996. № 2.
16. *Darcel J.-L.* Maistre in Lausanne // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
17. *Darcel J.-L.* Roads of exile // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
18. *Darcel J.-L.* Maistre, mentor of the prince // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
19. *Denizet J.* Joseph de Maistre economist // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
20. *Bradley O.* Maistre's theory of sacrifice // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
21. *Pranchere J.-Y.* Joseph de Maistre's catholic philosophy of authority // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
22. *Garrard G.* Joseph de Maistre and Carl Schmitt // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
23. *Lebrun. R.A.* Joseph de Maistre and Edmund Burke: A comparison // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
24. *Reedy W.J.* Maistre's twin? Lois de Bonald and the enlightenment // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
25. *Lebrun. R.A.* Joseph de Maistre in the Anglophone world // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
26. *Pranchere J.-Y.* The persistence of Mastrian thought // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
27. *Miltchyna V.* Joseph de Maistre in Russia: A look at the reception of his work // Joseph de Maistre's life, thought, and influence: Selected studies / Ed. by R.A. Lebrun. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.
28. *Парсамов В.С.* Декабристы и религиозно-консервативная мысль Франции: М.Ф. Орлов и Жозеф де Местр, М.С. Лунин и католицизм. <<http://conservatism.narod.ru/parsamov/parsamov.html>>